

Любимова Г.В. Категории «знающих» людей в сибирской деревне (материалы к словарю понятий и терминов) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы научно-практической конференции. Вып. 4. Барнаул: БГПУ. 2001, С.117-121.

Разнообразные источники XIX – начала XX вв. показывают, что существенная роль в общественной жизни сибирской деревни указанного периода принадлежала колдунам, знахарям и другим категориям лиц, объединенных общим понятием «знающие» или «знатки». Авторитет «знающих» зачастую был выше, чем у официальных должностных лиц. Интересное подтверждение этому находим в рукописи сузунского краеведа П.Ф.Пирожкова, в которой описываются события, связанные с зарегистрированной здесь в 1892 г. холерой: *«зоринские мужики, - читаем у автора, - собрались на сход к старосте... Решили закрыть все входы-выходы, поставить карантин и зажечь навоз вокруг деревни. Но знахарь Иван Гаврилович Сотников решительно настоял на том, чтобы сделать «обыденную» рубашу и огородить деревню «огородом» (Сузунский районный краеведческий музей, фонд П.Ф.Пирожкова, очерк «Обыденная рубаша»).*

Сила знахаря и колдуна определялась, по народным воззрениям, обладанием тайным знанием. Некогда, как считает О.М.Фишман, существовала целостная система знаний о духах болезней и способах лечения и общения с представителями иного мира, в том числе, с «хозяевами» леса, воды и пр. Владеющий эзотерическим знанием человек приобретал статус «знающего» (Фишман, С.24). Интуитивно-поэтическая восприятие «знающих», представленное в работе А.А.Блока «Поэзия заговоров и заклинаний», характеризует колдунов, кудесников, знахарей, ведунов, ворожей, ведьм и прочих лиц как обладающих «вещим знанием» тайн окружающего мира. Народ, как пишет автор, почитает и боится их за

то, что они «находятся в неразрывном договоре с темной силой, знают слово, сущность вещей, понимают, как обратить эти вещи во вред или на пользу, и потому отделены от простых людей недоступной чертой. Чтобы выведать тайну природы, нужно продать душу черту, потому настоящие знахари редки» (Блок, С.148).

Основным источником «вещего знания», по мнению крестьян-сибиряков, являлись заговоры: *«главную силу своего врачевания, - писал Ф.К.Зобнин, - (знахари) полагают в знании особых наговоров,.. второстепенную роль играют различные целебные травы»* (Зобнин-1, л.97; Тобольская губ.).

Один их способов получения знания состоял в заключении договора с «нечистью»: *«в народе, - по словам Надеждинского, - ходят легенды,.. будто колдуны продают свою душу дьяволу»* (Надеждинский, С.153; Тобольская губ.). Кроме того, знание могло передаваться по наследству или в силу некой отмеченности, например, физической аномалии – ср. *«знание всевозможных порчей»* приписывается в народе тощим людям, отличающимся *«каким-нибудь физическим уродством»* (Логиновский, лл.9об.-10; Восточное Забайкалье).

В целом, как отмечают исследователи, «знающими» становились люди, «почему либо нарушающие границу между социальной и несоциальной сферами бытия, или по своему статусу находящиеся близко к ней», то есть, тем или иным способом «связанные с потусторонним миром» (Раденкович, С.33, 34). По свидетельству И.Я.Неклепаева, жители Сургутского края полагали, что существует *«целый разряд лиц, которые являются как бы посредниками между людьми и нечистыми духами (еретики и еретицы, чернокнижники, оборотни)»* и пр. (Неклепаев, С.35). Особенности внешнего облика подчеркивали «нечеловеческую» природу

«знающего», его причастность к иному миру - ср.: «чернокнижники не стригут ногтей, не чешут волос, не молятся Богу» (Там же, С.48).

Следует отметить, что в определенных ситуациях грамотный, образованный человек мог восприниматься в качестве «знающего». Приведем в связи с этим описание курьезного случая, произошедшего с корреспондентом РГО К.Логиновским: «еду я из Баргузина в Верхне-Удинск, - писал автор, - смотрю, около поля собрались мужички и не смеют подступиться... Спрашиваю: “Что делаете?” – «Да вот, батюшка, злой человек заломил поле и теперь приходится бросать его, так как никого не находится, кто бы мог снять залом”. Я посмотрел, вижу несколько колосьев завязаны в узел, взял и вырвал их. Крестьяне взмолились и осыпали меня благодарностью, что я спас их поле с хлебом» (Логиновский, лл.39-41). Примечательна в этом отношении и следующая реплика: «Когда червяк хлеб ел, председатель сильно горевал, а одна старушка грамотная подсказала: надо ехать на поля, Богу помолиться» (записано от М.М.Татарниковой, 1909 г.р., с.Киряково, Болотнинский р-н, Новосибирская обл).

Прежде чем приступить к систематическому описанию категорий «знающих», известных сибирской деревне прошлого века, следует сделать еще одно замечание, а именно - о двойственной природе знания. Ситуация, когда «всех знахарей (деревни) делят на два лагеря - добрых и вражних» (Зобнин-1, л.97) - в целом не была характерна для структуры крестьянской общины, и, в частности, сибирские материалы показывают, что реализация знания, полученного путем заключения договора с «нечистой силой», происходила как «положительным», так и «отрицательным» путем. В Сургутском крае, к примеру, полагали, что с помощью заговоров чернокнижник «может сделать с человеком все, что захочет» – и вылечить,

и испортить (Неклепаев, С.48; о двойственной природе любого сакрального знания см также: Бернштам, С.146).

В.И.Харитоновна обратила внимание на то, что понятия знахарства, ведовства и колдовства в народной традиции были разграничены нечетко и использовались в разных значениях, соответственно, такие категории лиц, как знахарь/знахарка, ведун/ведунья, колдун/колдунья и пр., различались не столько по характеру магической практики (белая=«хорошая» или черная=«плохая»), сколько по способностям и силе человека, принадлежащего к той или иной категории (Харитоновна, С.32).

В поздней традиции, фиксируемой архивными и полевыми материалами, в роли знахаря или колдуна чаще всего выступал главный распорядитель свадебного обряда - **дружка, веждивец/вежливец** или **большак**. *Дружка и полудружье*, по словам С.И.Гуляева, «в свадебном обряде играют роль знахарей» (Гуляев, л.35об; Барнаульский о.) или же, подобно большаку, как сообщал А.Худяков, *противодействуют «злым умыслам других знахарей»* (Худяков, лл.2-3; Ишимский о.). В.Паршин констатировал: «*дружка - он же немного и колдун*» (Паршин л.122; Нерчинский о.), а Ф.К.Зобнин прямо писал, что «*хранитель свадебных порядков, обычаев и обрядов... - вежливец - вместе с тем и вражней, то есть ведающийся с нечистой силою*» (Зобнин-1, лл.8-9; Тобольская губ.); ср. также мнение о том, что «*колдун-веждивец (или вежливец, по... простонародному)*» - «*есть повелитель чертей*» (Надеждинский, С.153; Тобольская губ.; видимо, не случайно характерным атрибутом дружки являлась плеть - см. об этом: Паршин, л.121об.; Нерчинский о.). Отметим также, что дед знаменитого былинного сказителя, барнаульского крестьянина Леонтия Тупицына, тексты которого были записаны С.И.Гуляевым в 60-е годы XIX в., был, «выдающимся свадебным дружкой» и «славился еще и знахарством и выкидывал на свадьбах

непостижимые штуки против недобрых знахарей и знахарок» (Былины и исторические песни, С.24, 31).

Важнейшая обязанность дружки состояла в «отвораживании порчи» от жениха и невесты, а также от других членов свадебного поезда. Так, накануне свадьбы дружка, как писала М.В.Красноженова, ведет жениха в баню и обливает его водой, взятой из трех ключей, приговаривая: *«как в ключах никольском, рождественском и крещенском морозом не выморозить воду, так бы и молодого князя... не могли попортить еретик и еретица»* (Красноженова, С.30; Енисейская губ.).

Дружка непременно должен был знать всевозможные *«присказки, прибаутки, поговорки, наговоры от болезней и порчи»* (Григоровский, С.23; Нарымский край); кроме того, считалось, что он должен *«быть хитрый, сметливый и проворный»* (Гуляев, л.94; Барнаульский о.). Те же, по сути, требования предъявлялись и к главным исполнителям календарных обычаев и обрядов. К примеру, на роль Масленицы, по свидетельству П.А.Городцова, *«обычно приглашается... опытный и хорошо знающий подробности обряда... крестьянин»*, который *«должен быть вообще хорошим знахарем,.. показителем и певцом народных песен,.. находчивым и остроумным»* (Городцов, С.21, Тюменский у.).

Являясь главным распорядителем обрядового действия, дружка строго следил за всем ходом свадьбы, чтобы не возникли *«шум или ссора пирующих»*, чтобы *«новобрачные (не остались) невеселы»* (Худяков, лл.2-3; Ишимский о.), а также - за своевременным наступлением того или иного свадебного этапа. Так, по словам вятских переселенцев, проживающих в Тальменском р-не Алтайского края, *«дружка и тысяцкий смотрели, чтобы день не на убыль шел, когда жених с невестой венчаться поедут»* (записано от А.Г.Власовой, 1934 г.р., с.Наумово).

Поведение самого дружки складывалось из множества мелких ритуально-магических действий. По сообщению наблюдателей, *«...во время общего стола... при перемене каждого кушанья (дружка) делает странные какие-то наговоры»* (Серебренников, л.2; Томская губ.), с полотенцем через плечо и с плетью в руке он *«ходит вокруг свадебного поезда... шепчет и наговаривает, пересыпая слова свои прибаутками... вооружает жениха и невесту восковыми с наговором шариками... советует невесте сверх обыкновенных подвязок к чулкам надеть еще и мочальных и... крестится пред каждой дверью, пред каждым порогом»* (Паршин, лл.121об.-123; Нерчинский о.). По дороге в церковь деревенский колдун *«отдельно садится в сани и едет тихо вперед... осматривая все подозрительное»* - будь то *«щепочка»* или *«камышек»* (Надеждинский, С.155; Тобольская губ.).

Подобные меры предосторожности, по свидетельству наблюдателей, предпринимались и в тех случаях, когда *лошади свадебного поезда «не могут перебежать дороги (или) нейдут на двор к невесте»* (Гуляев, л.94; Барнаульский о.), *«распрягаются... на дороге к церкви... бесятся, бьются, рвут упряжь и выбрасывают в грязь почетный поезд»* (Паршин, л.122; Нерчинский о.).

Авторы первых публикаций о деревенских колдунах нередко стремились дать «материалистическое объяснение» их способностям и вывести «плутов и пакостников» на чистую воду: *«проделки здесь скрывающиеся, - писал, к примеру, В.Паршин, - объяснить не трудно»,* потому как репейником или свежим медвежьим салом *«легко взбесить лошадей»* (Паршин, л.123; Нерчинский о.). Возлагая большие надежды на народное просвещение, автор другой публикации в 1863 г. отмечал, что *«колдовская обрядность, давно уже во многих местах оставлена, особенно... по большим дорогам и в подгородных деревнях, но в*

захолустьях, где народ диче, все это осталось и до сих пор» (Надеждинский, С.155; Тобольская губ.).

Представления об особой уязвимости героев свадебного ритуала нашли отражение в многочисленных быличках об «испорченных свадьбах», имевших широкое хождение вплоть до последнего времени. В 1891 г. Ф.К.Зобнин записал рассказ о том, как *«без вежливица... лошади унесли (молодых) от церкви в поле, там невесту испортили, так что со свадьбы (она) стала чахнуть»* (Зобнин-1, лл.8-9; Тобольская губ.). Отметим, что, лицо, «испортившее» невесту, в приведенном тексте прямо не названо - имеется лишь косвенное указание на то, что это случилось в отсутствие «вежливица». В быличках, зафиксированных полевыми материалами, в качестве непосредственного виновника несчастий с членами свадебного поезда, обычно называется *«один старик»*, которого *«не уважили»*, *«места за столом не дали»*, *«подарок не сделали»* и т.п. М.И.Панюшкина (1914 г.р., б.-рус.), к примеру, рассказала: *«как-то раз одного деда на свадьбу не пригласили, так он сказал - «Попомните вы меня» - и превратил невесту с женихом в волков. Пришли тогда к нему родные жениха и невесты, в ноги упали, он их и расколдовал, вот только невеста сильно поморозилась, когда они с женихом волками по полям бегали»* (записано в с.Петропавловка Маслянинского р-на Новосибирской обл.). Нетрудно заметить, что со временем произошло смещение акцентов в роли колдуна на свадьбе в негативную сторону: Вопрос о том, насколько изначально органичной для дружки была роль лица, наводящего порчу на участников свадебного поезда, нуждается в дальнейшем изучении.

В образе женских демонологических персонажей, известных в сибирской деревне под такими именами, как **ведьма, вещница, труболётка, волхидка, колдовка, букусетка** и пр., более отчетливо, чем в мужских,

прослеживается сочетание человеческой природы и свойств демона - например, способностей к оборотничеству.

В энциклопедическом словаре «Славянская мифология» «ведьма» (от др.-рус. 'ведь' – “знание”) рассматривается как один из основных персонажей западно- и восточнославянской демонологии, в то время как «вештица» – в качестве персонажа южнославянской демонологии (Славянская мифология, С.70, 88). Вместе с тем, архивные и опубликованные источники показывают, что сибирской деревне XIX века были известны оба понятия.

Вредоносная деятельность ведьм и колдовок распространялась, по народным воззрениям, на сферу земледелия и скотоводства: как писал Надеждинский, *«колдуны нередко вредят скоту и посевам»* (Надеждинский, С.153; Тобольская губ.). В быличке, записанной более ста лет назад «учеником Читинского городского училища Дм. Нечухаевым», речь идет как раз о такой женщине-ведьме: *«В одно время случилось так, что у коровы Василия Тарасова не стало молока,.. а у нас верят, что иногда молоко у коровы выдаивают ведьмы. Тарасов взял борону, потому что ведьму нужно глядеть через борону,.. и когда глядел, то в полночь вдруг молоко зажурчало. Он стал приглядываться и увидел, что под коровой сидит сорока,.. он ударил сороку наотмашь,.. и вдруг из сороки сделалась его кума! Он давай ее лупить и вот она умерла на четвертый день»*. Примечательно, что в конце записи автор сделал пояснение, где и когда произошли указанные события: *«это случилось в с.Доронинском, в 1886 г., на святках, в декабре месяце»* (ПФА РАН, ф.104, оп.1, №487, лл.26-26 об.).

Сходные былички были записаны летом 1999 г. у семейских Забайкалья. По словам В.Е.Дорофеевой (1918 г.р.), *«колдовки и букусетки ходили под Ивана Травника»*, хозяин мог увидеть колдовку, *«если под*

борону заберется»: «одна (колдовка) корову доила, у ей уши отрезали, так она потом платок не снимала» (с.Верхний Жирим, Тарбагатайский р-н, Республика Бурятия). Колдовкам также приписывалась способность делать «заломы» (узлы на колосьях), «снять» которые, как считалось, могли только «лекарки»: «она придет, почитает что-нибудь и снимет залом» (записано от Е.Т.Соколовой, 1918 г.р., с.Десятниково, Тарбагатайский р-н, Республика Бурятия).

Колдуньи нередко считались виновными в засухе. По словам В.Паршина, ему доводилось слышать рассказы о том, как «крестьяне чуть не утопили старую женщину, «колдунью», подозреваемую в том, что она виновница небывалой засухи» (Паршин, л.124-126; Нерчинский о.). Вместе с тем, представительницы данной социовозрастной категории, играли ведущую роль и в противоположных по смыслу обрядах, направленных на прекращение засухи и вызывание дождя. По мнению А.К.Байбурина, это можно рассматривать как проявление особой «ответственности» женщин за подобного рода несчастья и - как своеобразный «женский» вариант ритуального обновления и очищения мира (Байбурин, С.150).

Сведения о «вещицах», носят, к сожалению, единичный характер. В настоящее время мы располагаем, по крайней мере, тремя описаниями из Тобольской губернии, которые относятся к концу XIX в.

Все авторы отмечают реальную (человеческую) природу данного персонажа. По словам И.Я.Неклепаева, вещицами могут быть «разных возрастов замужние женщины» (Неклепаев, С.51; Сургутский край); В.Тверетин утверждает, что вещицы - это «зловредные старухи», причем одна такая «старуха из России» жила давно в Березове (Тверетин, л.22; г.Березов); наконец, Ф.К.Зобнин констатирует, что «в каждом селении... с полным убеждением» жители могут указать «на ту или другую женщину,

которая при случае с помощью нечистой силы превращается в вещицу» (Зобнин-II, С.542).

Главное свойство женщины-вещицы заключалось в ее способности оборачиваться сорокой и *«вынимать телят из коров и младенцев из беременных женщин»*. Считалось, что в полночь вещица *«обращается в сороку в бане на 12 ножах»* (Тверетин, л.22), а *«туловище без головы... оставляет под поганым корытом»* (Зобнин-II, С.542); вылететь из дома - также как и попасть в чужой дом - вещица может только через дымовую трубу, за что в Сургутском крае ее прозвали *«труболёткой»* (Там же). Взамен вынутого ребенка *«вещица кладет в утробу матери кусок льда, хлеба или голик»*, отчего та всю жизнь *«мучится... болью в животе»*, самого же младенца она жарит и ест. Оберегом от вещицы служит заслонка, которую нужно повернуть *«дужкой внутрь печи»*: в этом случае, как пишет И.Я.Неклепаев, *«вещица в дом не войдет, а если была, то сразу выйдет»* (Неклепаев, С.54). Опознать вещицу, по словам того же автора, можно следующим образом: *«Если в полночь увидишь бесхвостую сороку с синим огоньком над головой, и хочешь опознать, кто именно летит, то нужно снять штаны и, обернувшись к вещице задом, посмотреть на нее промеж ног, тогда она упадет на землю и превратится в женщину. Этим путем обнаружить вещицу могут только мужчины»*, поймать же ее, по словам автора, *«можно в Христову заутреню»* (Неклепаев, С.51-57). *«Христовска заутреня»*, по свидетельству А.А.Макаренко, считалась также благоприятным временем *«для обличения волхитки»* (Макаренко, С.106; Кежемская вол. Енисейского у.).

Сведения о вещицах в других районах Сибири до сих пор не встречались. Тем не менее, в фонде Алтайского подотдела ЗСО РГО удалось обнаружить описание персонажа с аналогичными функциями, хотя само название при этом и не упоминалось: *«в Ояше, - писал автор*

корреспонденции в 1892 г., - *есть одна старуха, которая, как говорят, умеет обращаться сорокой и, летая по домам, где есть беременные женщины, вынимает детей. Подобные случаи стали повторяться очень часто и общество присудило сжечь ведьму (колдунью). Приготовлен был даже сруб, в котором предполагалось сжечь ее. Но она дала обещание не делать подобных вещей и напасти кончились. Это было лет 10 тому назад»* (ГААК, ф.81, оп.1, д.36, л.11об.-12; Ояшская вол. Томской губ.).

По всей видимости, церковно-книжное происхождение имели такие названия, как **еретик/еретица, волшебник/волшебница** и пр. (Арефьев, С.101; Енисейский у.). Указанные персонажи, также сочетавшие в себе свойства реальных людей и демонов, отличались менее четко выраженными функциями. По словам И.Я.Неклепаева, еретики и еретицы при жизни ничем себя не проявляют и только перед смертью сообщают близким о своей связи с нечистым, однако в первую же ночь после смерти *«в полночь встают из гроба, бросаются на живых людей и тут же поедают их»* (Неклепаев, С.49-50). В отличие от еретиков, которые вредят живым, будучи уже мертвыми, «волшебницы», по свидетельству того же автора, это *«замужние женщины и девушки, которые по ночам разрывают свежие могилы и питаются недавно похороненными покойниками»*, то есть вредят мертвым, будучи еще живыми (Неклепаев, С.59; Сургутский край). Характер отношения к «еретикам» и «волхиткам» со стороны русских сибиряков А.А.Макаренко определил как *«боязненное почитание»* (Макаренко, С.17, 40; Енисейский у.).

Не останавливаясь специально на характеристике **специалистов-ремесленников** и **промысловиков**, отметим, что народные представления об особой связи указанных лиц с «духами-покровителями» соответствующей стихии максимально сближали их с категорией знахарей и колдунов (см. об этом: Бернштам, С.146, 170).

В целом, жизненный путь любого человека характеризовался «нарастающей с возрастом ритуально-магической активностью» (Адоньева, С.26-28), связанной, по всей видимости, с представлениями об увеличении «жизненной силы» человека в определенные периоды его жизни (Мазалова, С.26) – ср., к примеру, общерусское хождение термина «бабушка» в значении «лекарка, знахарка».

В заключение хотелось бы сказать о том, что понятийно-терминологический аппарат является одним из основных инструментов исследования любой науки, занимая важнейшее место в ее методологии, поэтому составление словаря понятий и терминов, которые использовались для обозначения лиц, игравших разные социальные роли в жизни сибирской деревни XIX - начала XX вв., будет способствовать более полному пониманию реальной структуры крестьянской общины указанного периода.

Примечания

АРГО – Архив Русского Географического общества (СПб)

ГААК – Государственный архив Алтайского края (Барнаул)

ПФА РАН – Петербургский филиал архива Российской Академии наук

ВСО РГО - Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества

ЗСО РГО - Западно-Сибирский отдел Русского Географического общества

Адоньева С.В. О ритуальной функции женщины в русской традиции // Живая старина, 1998, №2.

Арефьев В.С. Материалы по этнографии Енисейского у. Енисейской губ (образцы народной словесности) // Известия ВСО РГО, Иркутск, 1901, Т. XXXII, №1-2.

Блок А.А. Поэзия заговоров и заклинаний // Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике. Сост. Ю.Г.Круглов. М., 1986.

Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С.И.Гуляева (под ред. М.К.Азадовского). Новосибирск, 1939.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб, 1993.

- Бернштам Т.А.** Молодежь в обрядовой жизни русской общины. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л. 1988.
- Виноградов Г.С.** Материалы для народного календаря Тулуновской вол. Нижнеудинского у. Иркутской губ.: АРГО, р.59, оп.1, №17.
- Городцов П.А.** Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1915. Вып. 26.
- Григоровский Н.П.** Очерки Нарымского края // Записки ЗСО РГО. Омск, 1882, Кн.IV.
- Гуляев С.И.** Этнографические заметки С.И.Гуляева, собранные от крестьян в заводских селах и городах Алтайского округа: ГААК, ф.163, оп.1, д.214.
- Зобнин Ф.-I** Сборник наблюдений над народной жизнью в Тобольской губ., 3-й сборник, 1891: АРГО, р.61, оп.1, №37.
- Зобнин Ф.-II** Вещица или труболетка // Живая старина. СПб, 1896. Вып.III-IV.
- Красноженова М.В.** Из свадебных обычаев Енисейской губ (Описание свадьбы в д.Злобиной) // Известия ВСО РГО, Иркутск, 1907, Т.XXXVIII.
- Логиновский К.Д.** Порчи и их лечение у населения Восточного Забайкалья: АРГО, р.58, оп.1, №16.
- Макаренко А.А.** Сибирский народный календарь. Новосибирск. 1993 (2-е изд.).
- Мазалова Н.Е.** Жизненная сила севернорусского «знающего» // Живая старина, 1994, №4.
- Надеждинский.** Народное здравие // Тобольские губернские ведомости. 1864, №20.
- Неклепаев И.Я.** Поверья и обычаи Сургутского края. Этнографический очерк // Записки ЗСО РГО. Омск, 1903. Кн.XXX.
- Паршин В.** Историческое, географическое, статистическое и этнографическое описание Нерчинского округа Иркутской губ.: АРГО, р. 59, оп.1, №13.
- Раденкович Л.** Дурной глаз в народных представлениях славян // Живая старина, 1995, №2.
- Серебренников М.** Этнографические сведения о с.Камышеве Томской губ.: АРГО, р.62, оп.1, №2.
- Славянская мифология.** Энциклопедический словарь. М., 1995.
- Тверетин В.** Этнографические сведения о жителях г.Березова Тобольской губ.: АРГО, р.61, оп.1, №28.

Фишман О.М. Социокультурный статус и ритуальное поведение «знающих» в Тихвинском крае // Живая старина, 1994, №4.

Харитонова В.И. «Избранники духов», «преемники колдунов», «посвященные учителями»: обретение магико-мистических свойств, знаний, навыков // ЭО, 1997, №5.

Худяков А. Этнографические замечания по Ишимскому округу: АРГО, р.61, оп.1, №11 (1848).